

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ
ЕВРАЗИИ:
ОТ РАННЕЙ БРОНЗЫ
ДО РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ПАМЯТИ В.С. ОЛЬХОВСКОГО

Сборник статей

Москва
2005

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

И.Н.Медведская

СИАЛК В И ХАСАНЛУ IV: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Материалы Сиалка В и Хасанлу IV используются во всех работах, касающихся хронологии и развития конской узды, времени и направленности культурных контактов евразийского и передневосточного регионов в период РСК.

За 10 лет, прошедших со времени начала дискуссии по хронологии скифской архаики, появилось много новых материалов, их новых интерпретаций и новых концепций. Вряд ли возможно обсудить всё накопленное за это время. Однако не лишним будет уточнить и дополнить ряд моих прежних положений, которые не всегда точно интерпретируются в исследованиях последнего времени и предложить новые аспекты старой проблемы – хронологии Сиалка В и Хасанлу IV.

СИАЛК В

Предметы конской узды из могильника Сиалк В постоянно привлекаются для определения хронологии памятников РСК и культурно-политического взаимодействия кавказского и иранского регионов. Выделенный В.Р.Эрлихом в северокавказских памятниках «сиалковский» тип стержневидных псалиев в конечном счете лег в основу омоложения Сиалка В (Эрлих В.Р., 1994, с.66–68). Недавно «сиалковский» тип псалиев был определен в узде, обнаруженной в Хасанлу IV (Погребова М.Н., 2001, с.326–329). А.И.Иванчик настаивает на удревнении Сиалка В, основываясь на сходстве элементов конского убора с уздечным комплексом Хасанлу IV, который датируется им вслед за американскими исследователями X–IX в. до н.э. (Иванчик А.И., 2001, с.168,278).

Прежде всего, необходимо подчеркнуть морфологические различия псалиев Сиалка В, Северного Кавказа и Хасанлу IV (рис.1). В последнем преобладают псалии, у которых один

конец имеет круглое, другой – прямоугольное сечение, центральная часть стержня утолщена и имеет зубчатую форму, образованную соединением трех расширений вокруг круглых отверстий. Концы псалиев длинные, каждый из них равен по длине площадке с отверстиями (рис.1,2). Именно выделенная таким образом центральная часть псалия отличает псалии Хасанлу от сиалковских. У последних каждое круглое (не угловатое) расширение вокруг отверстия раздвинуто по стержню псалия, площадки нет. Концы сиалковских псалиев короткие (рис.1,3). Учитывая общую тенденцию развития стержневидных псалиев, которое заключается в постепенном смещении отверстий к центру стержня, следует считать псалии из Хасанлу типологически более поздним вариантом. Хотя псалии из обоих памятников относятся к одному времени, но это совпадение раннего и позднего типов. Выделять в Хасанлу IV «сиалковский» тип псалиев нет оснований.

В.Р.Эрлих выделил в Закубанье «сиалковский» тип псалиев (III б), которые встречаются на Северном Кавказе вместе со стремечковидными удилами (тип III-2). Поскольку такие удила неизвестны в комплексах, надежно датированных VIII в. до н.э., это дает ему основание датировать Сиалк В концом VIII – первой половиной VII вв. до н.э. (Эрлих В.Р., 1991, с.40,41; 1994, с.67,68). Такую датировку, по его мнению, подтверждает «сиалковский» тип обойм-пронизей из I Ульского кургана 1909 г. и морфологически близкий псалий из п.27 Келермесского могильника (Эрлих В.Р., 1994, с.67,68). Отсутствие морфологического сходства между сиалковскими обоймами с припаянными скобами и ульскими цельнолитыми пронизями уже было отмечено (Медведская И.Н., 2001). Не исключено, что ульские пронизи относятся к другому (местному) типу пронизей.

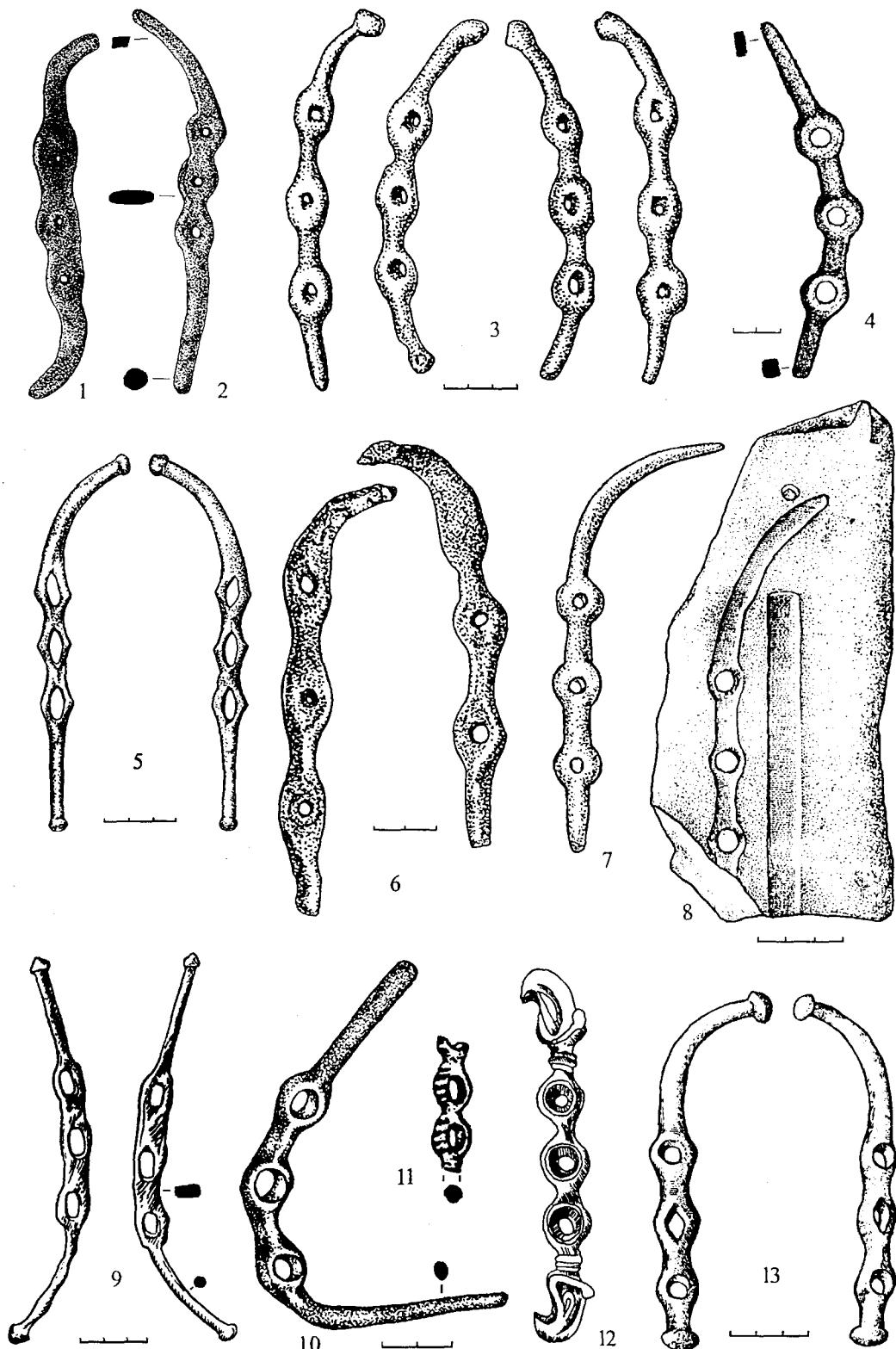

Рис. 1. Бронзовые псалии. 1,2 – Хасанлу IVB; 3 – Сиалк В, п.15 (Иран); 4 – случайная находка (Восточная Анатолия); 5 – Малый курган; 6 – Мингечаур, к.II; 7 – Шамхорский могильник (Азербайджан); 8 – Дальверзин тепе (матрица, Фергана); 9 – Келермесс, п.27 (железо); 10 – хут.Дукмасов; 11 – устье р.Псекупс; 12 – Кубанский могильник, п.39 (Северный Кавказ); 13 – Сакар-чага 6, п.23 (Приаралье)

Во всяком случае, в могильнике у аула Сержень-Юрт найдена близкая по форме пронизь с подквадратным щитком (п.39), которая датируется IX в. до н.э. (Козенкова В.И., 2002, с.97,128, табл.VI, табл.27). Келермесский железный псалий, судя по наличию подпрямоугольной площадки с тремя (правда, прямоугольными, а не круглыми) отверстиями и длинными концами, скорее можно сопоставить с типичными псалиями из Хасанлу IV и псалиями начала VII в. из Малого кургана в Мильско-Карабахской степи. Последние также имеют угловатые расширения вокруг сближенных овальных отверстий и длинные концы. Фрагмент псалия из района р.Псекупс имеет предельно сближенные отверстия, утолщения возле которых имеют горизонтальное рифление. Все эти псалии типологически сближаются с псалиями из Хасанлу IV (рис.1,2,5,9,11).

Среди перечисленных В.Р.Эрлихом «сиалковских» псалиев преобладают экземпляры с одним или двумя длинными концами или достаточно сближенными между собой отверстиями. Это относится к псалию из хут.Дукмасова с двумя длинными и загнутыми (специально?) концами и псалию из Кубанского могильника (п.39) с зооморфными окончаниями, «полные аналогии» которому не известны (Эрлих В.Р., 1994, с.66), (рис.1,10,12).

Оба псалия из Сакар-Чага 6, к.23, имеют верхний длинный конец с шишечкой, «нижний конец отсутствует, завершение в виде грибовидной шляпки посажено непосредственно на окончание стержня-основы псалия». Центральное отверстие обоих псалиев ромбовидное (Яблонский Л.Т., 1991, с.81, рис.11,1,2), (рис.1,13). Приведенное описание относится к эльтонскому типу псалия (Красная Деревня), который выделяется на среднечерногоровском этапе (Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996, с.107, рис.2) и подходит для псалия из Сакар-Чага 6. Датируется эльтонский тип псалиев VIII в. до н.э. (Вальчак С.Б. и др., 1996, с.37–39).

Пожалуй, наиболее близким к сиалковскому является псалий из Дальверзина (фрагмент матрицы). Их сближает один, но главный, признак – развинутые круглые отверстия, утолщения возле которых не изменяют форму/толщину стержня. Правда, сохранившийся конец дальверзинского псалия – длинный. В этой связи примечательны псалии из могильников Шамхор (Азербайджан) и Тебе Гиян (п.3): один конец длинный, другой – короткий.

Но главный признак – развинутые отверстия – сближает их с сиалковскими, дальверзинским и, по-видимому, с мингечаурскими экземплярами. Предположительно именно такую форму можно считать вариантом сиалковских псалиев (рис.1,7,8).

У псалиев, которые В.Р.Эрлих отнес к «сиалковскому» типу, этот главный признак отсутствует. Не исключено, что некорректность предложенных сопоставлений может восходить к неверному изображению А.И.Тереножкиным псалия из п.15 могильника Сиалк В (Тереножкин А.И., 1971, с.76, рис.3,9). Изображенный здесь псалий имеет один очень длинный конец вместо двух равно коротких, неточен рисунок центральной части – главный признак сиалковских псалиев отсутствует.

Итак, рассмотренные В.Р.Эрлихом псалии не могут называться «сиалковским» типом и не могут влиять на датировку могильника Сиалк В.

В Хасанлу IV «сиалковский» тип псалиев отсутствует. Однако он найден в Восточной Анатолии, что может указывать на западные связи культуры Сиалка (рис.1,4).

Датировка могильника Сиалк В основывается не только на принадлежностях конской сбруи. Пожалуй, более важным датирующим признаком этого комплекса является расписная керамика. Расписной стиль керамики обнаруживает структурное единство с греческим геометрическим стилем вазописи. Классический геометрический стиль вазовой живописи, созданный афинскими керамистами, развивался мастерами Аттики в течение 900–700 гг. до н.э. Аттика оказала огромное влияние на остальные керамические центры как материковой Греции, так островной и малоазийской. Наибольшего влияния аттическая школа достигает в VIII в. до н.э., но к концу века ее влияние ослабевает; становятся независимыми керамические школы других центров. Особенно усиливается влияние Коринфа, керамический стиль которого будет ведущим в VII в. до н.э.

Аттическая вазопись геометрического стиля в своем окончательном виде формируется к 760 г. Именно к этому времени окончательно сложились четыре составляющих элемента стиля: геометрический орнамент, силуэтная техника для изображения людей и животных, система метоп и триглифов, заполнительный орнамент. Их анализ позволяет настаивать на том, что расписной стиль Сиалка В, равно как и фригийский стиль, мог сложиться и существовать

только в пределах второй половины VIII в. до н.э. Геометрический стиль на рубеже VIII–VII вв. до н.э. сменился ориентализирующим стилем, который явился полной противоположностью геометрическому стилю.

Необходимо подчеркнуть, что сиалковская роспись, равно как и фригийская, обнаруживают сходство не отдельных элементов аттической формулы вазописи (хотя иногда сходство этих элементов абсолютно), а их системное сочетание. Но при структурном единстве все три керамические школы стилистически различны, общим является подход к изобразительности (Medvedskaya I.N., 1986, p.89–120). Именно в VIII в. до н.э. geopolитическая ситуация благоприятствовала проникновению на Иранское плато культурных импульсов с запада, о чем ниже.

Таким образом, расписная керамика Сиалка В не позволяет датировать его IX в. до н.э., конская упряжь дает основания для его датировки VIII в., а отсутствие конской узды РСК 2 очевидно исключает VII в. до н.э.

ХАСАНЛУ IV

Хасанлу IV первоначально датировался исследователями X–IX вв. до н.э. Позднее нижняя дата на основании датировок по C^{14} стала углубляться до 1150 гг. до н.э. Но гибель города постоянно связывается с урартским завоеванием приурмийского района в конце IX в. до н.э. Надо сказать, что в 1960-е годы у исследователей и не было иного выбора в поисках виновников полного разрушения города. После походов в район западного и южного побережий Урмии ассирийских царей Салманасара III и Шамши-Адада V в IX в., которые не смогли завоевать этот район, приурмийские земли были завоеваны урартами, которые владели этими землями около 100 лет (Medvedskaya I., 2000, p.435–438).

Между тем, маршрут похода Саргона в 714 г. вплоть до 1980-х годов локализовался исследователями с восточной стороны озера Урмия, и следовательно ассирийцы не могли разрушить этот город. Других походов ассирийцев в северо-западный Иран больше не было. Таким образом, с начала исследований в Хасанлу система датировок археологического материала была построена на единственно возможной дате разрушения города в конце IX в. до н.э. И даже в тех случаях, когда приводимые авторами ана-

логии находкам из Хасанлу IV ограничивались VIII и даже VII вв. до н.э., такие находки в Хасанлу IV датировались IX в. до н.э. Теперь, однако, маршрут Саргона в приурмийской зоне пересмотрен и локализуется вдоль южного и западного его берегов (литературу см.: Медведская И.Н., 1989, с.102–116).

Я предложила включить в период существования Хасанлу IV помимо IX в. также и VIII в. до н.э., основываясь на серии вецов, датировка которых исключала IX в., а также на ряде признаков в ассирийской изобразительности VIII в. до н.э., которые отсутствовали на изображениях IX в. до н.э. Так работают многие, в том числе и исследователи Хасанлу, но именно «мой метод» вызвал резкие возражения А.И.Иванчика, который настаивает на прежней дате Хасанлу IV – X–IX вв. до н.э. Его «утечения» по поводу того, что сохранившиеся ассирийские рельефы относятся только к 70–40 гг. IX в. до н.э. и ко 2-й половине VIII в. (Иванчик А.И., 2001, с.263; что, впрочем, отмечалось и мною в статье 1988 г.), во-первых, неточны, во-вторых, никак им не анализируются.

Между тем имеющиеся материалы могут предполагать более полную картину развития экипировки колесницы и коня в Ассирии. Дело в том, что А.И.Иванчик упустил из виду и более ранние изображения, которые свидетельствуют о длительном бытовании одних и тех же элементов экипировки коня и колесницы в Ассирии. Так, эллиптический щит существовал, по крайней мере, уже при Тикульте-Нинурте II (890–884) (Madhloom T.A., 1970, p.12, pl.I,2). Еще более важным является изображение на Белом Обелиске, в надписи на котором упомянут царь Ашшур-нацир-апал. Сходство с изобразительностью времени Ашшур-нацир-апала II давало возможность ряду исследователей датировать этот памятник IX в. до н.э. Но анализ надписи, иконография дают основание все-таки датировать этот памятник временем Ашшур-нацир-апала I (1050–1032) (Madhloom T.A., 1970, p.10,11, pl.I,1; Reade S.F., 1975, p.129–150). Это, в свою очередь, позволяет полагать, что, в частности, ассирийская колесница с XI по IX вв. до н.э. включительно не претерпела конструктивных и декоративных изменений (колесницы Ашшур-нацир-апала II и Салманасара III (858–824), судя по рельефам, не различаются) (Madhloom T.A., 1970, p.12–17).

Начиная с Шамши-Адада V (823–811) и до времени Тиглатпаласара III (744–727) мас-

штабная изобразительность отсутствует, в конце IX в. до н.э. Ассирия вступила в полосу упадка. Но вряд ли находясь в состоянии кризиса, Ассирия приступила к модернизации армии: конницы и колесницы, в частности. Реорганизовал армию уже Тиглатпаласар III в период нового подъема страны. Но судя по тому, что, например, эллиптический щит изредка еще встречается на рельефах его времени, можно думать, что старый тип колесницы, существовавший с XI в., ее убранство и экипировка еще использовались в первой половине VIII в. до н.э., обеспечивая тем самым преемственность рельефных изображений. И в этой связи интересна опубликованная М. Мэллованом резная панель из слоновой кости из Нимруда. Хотя в изображениях превалируют черты IX в. до н.э., но имеются новшества, характерные для времени Тиглатпаласара III (форма кузова с поднятой спинкой, орнаментированные стенки кузова и отсутствие на них перекрещенных горитов; имеются изменения в экипировке воинов). Не исключено, что время изготовления панели непосредственно предшествует правлению Тиглатпаласара III (Mallowan M.E.L., 1966 p.279–282, fig.262,263; Madhloom T.A., 1970, p.17).

Таким образом, о столетней лакуне в ассирийском иконографическом материале говорить не приходится, и в исследованиях специалистов это и не делается.

«Вторым существенным недостатком метода И.Н.Медведской является автоматический перенос выводов, сделанных на основании ассирийских рельефов, изображающих ассирийских всадников и колесничих, на урартов и маннеев» (Иванчик А.И., 2001, с.263). Во-первых, не следует приписывать мне собственные заблуждения. Ни о каких маннеях в районе Хасанлу в IX–VIII вв. до н.э. не может быть и речи. В IX в. юго-западное побережье Урмии, где находится Хасанлу, входило в страну Ида, бывшей частью Внутреннего Замуа, и которое граничило со страной Гильзан, локализуемой вдоль западного берега озера. Манну ассирийцы называли отдельно от перечисленных стран, к востоку от Внутреннего Замуа. В конце IX в. до н.э. Гильзан и часть Внутреннего Замуа, включая страну Ида, были завоеваны урартами и переименованы. «Этот район был стратегически важным для урартов. Сохранив его население и ресурсы они быстро превратили его в плацдарм, необходимый им для завоевания Манны и других соседней с ней стран»

(Medvedskaya I., 1988, p.11; 2000, p.435–438). Маннеи проникли сюда только после 714 г., и в начале VII в. уже фиксируются здесь ассирийскими источниками (Медведская И.Н., 1989, с.113; Medvedskaya I., 1997, p.203,204).

Во-вторых, о каком «переносе выводов» идет речь? Если изображения некоторых реалий, обнаруженных в Хасанлу, зафиксированы на ассирийских рельефах только VIII, а не IX в. до н.э., то естественно было усомниться в их датировке IX в. и предложить для них VIII в. до н.э. Однако это само по себе вовсе не исключает IX в. до н.э. из датировки Хасанлу IV. Рассматривая параллельно эволюцию урартского конского защитного доспеха, я подчеркивала более активное его развитие урартами и приоритет военной реформы Сардури II (760–7230) (Дьяконов И.М., Медведская И.Н., 1987, с.207,208; Medvedskaya I., 1988, p.5).

Примером этого может, в частности, служить поиск оптимальной формы защитного приспособления для головы коня. Громоздкие налобники Т-образной формы, трапециевидной и более сложных форм¹ закрывали главным образом лоб коня и крепились широким краем к налобному ремню, как это можно видеть на скульптурной голове коня из Зинджирли (Medvedskaya I., 1988, fig.1,2). Трапециевидные налобники известны уже в конце IX в. (надписи Ишпуини 20–10-е гг. IX в.) и, очевидно, использовались до VII в. до н.э. (Seidl U., 1991, p.79,80, № 66, 48, 51, 52). Судя по широкому распространению костяных трапециевидных налобников с изображением божества, можно думать, что изначально такие налобники были, скорее, оберегами, чем защитным приспособлением (Mallowan M.E.L., 1966, fig.458,549). Урартские бронзовые налобники первоначально также имели изображение божества (рис.5,6). Т-образные пластины с довольно длинной нанобсной частью уже в большей степени были защитным доспехом коня. Они датируются временем от Ишпуини до Сардури II (Seidl U., 1991, № 38, 39, 70). Известно лишь одно изображение божества на них. В Хасанлу IV оба вида налобников отсутствуют.

Трапециевидные пластины VIII–VII вв. – наносники – крепились широким краем вниз, о

¹ Налобники сложной формы IX в. (Medvedskaya I., 1988, fig.3,1) У.Зайдль рассматривает теперь в качестве приспособления для защиты левой руки лучника (Seidl U., 1991a, p.116).

чем свидетельствуют изображения на них, а также изогнутость широкого нижнего края, который лежал на узком храпе коня (рис.5.1–5.7). Возможно, что именно урартские Т-образные налобники лежали в основе появления трапециевидных наносников. В Хасанлу IV найден такой наносник с обломанным верхним концом, аналогии которому издатели видели в памятниках конца VIII–VII вв. до н.э. (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.63,64, fig.6) (рис.5.2). Примечательно, что в этом комплекте были найдены также роговые трехдырчатые псалии (рис.2.5), датировка которых исключает IX в. до н.э., о чем ниже².

Из Хасанлу IV происходит также оригинальный конский шлем. В упряжке колесничного коня находилась двучастная, соединенная шарнирами пластина, также закрывавшая всю морду коня. Аналогии шарнирным пластинам известны на Кипре (Саламис) и датируются VII в. до н.э.³

Останавливаясь на развитии урартского конского доспеха, который, помимо узды, представлен в Хасанлу IV, я тем самым показала, что в городе, после его завоевания урартами, присутствовало конское снаряжение, которое могло использоваться и урартами в VIII в. до н.э. Если же А.И.Иванчик настаивает на гибели Хасанлу IV в конце IX в. до н.э. под ударами урартов, то можно ли говорить об урартском приоритете в Урмийской зоне уже в IX в.

² А.И.Иванчик, однако, не отличает налобники трапециевидной формы от наносников. Поэтому, приводимый им «яркий пример» некорректности «применяемого И.Н.Медведской метода», когда она использует ассирийскую изобразительность для датировки Хасанлу IV, вместо того, чтобы обращаться к реалиям, – обернулся конфузом. Приводимые им два налобника (а не наносника) с надписями Ишпуини для доказательства применения урартами наносников, типа, найденного в Хасанлу IV уже в последней четверти IX в. до н.э., не имеют отношения к проблеме датировки Хасанлу IV (Иванчик А.И., 2001, с.264, рис.129). Замечу, что в статье 1988 г. я приводила рисунок аналогичного трапециевидного налобника и подчеркивала их предшествование наносникам (Medvedskaya I., 1988, p.2–7, fig.2,4).

³ Вместе с ними в гробнице 3 обнаружены также два конских нагрудника, близких по форме нагруднику из Хасанлу. Хотя они близки нагрудникам, изображенными на ассирийских рельефах IX в., но в VIII в. их изображения уже не известны, и можно думать, что в самой Ассирии они уже вышли из употребления в VIII в. до н.э. (Karageorghis V., 1967, p.53,58, pl.CXXVIII, III,22).

до н.э., что следовало бы из приводимых им примеров. Логичны ли предположения, что жители города, находившиеся под сильным ассирийским влиянием в IX в. до н.э. и погибшие во время штурма его урартами, хранили в своих конюшнях передовое по тем временам урартское конское снаряжение? По-видимому, влияние урартской военной мысли могло сказать только после включения приурмийской зоны в состав Урарту, в течение VIII в. до н.э.

На самом же деле А.И.Иванчик достиг бы большего успеха в деле исключения VIII в. до н.э. из датировки Хасанлу IV, если бы смог объяснить те противоречия, которые возникли у О.Мускаrellы в связи с изучением резной слоновой кости из Хасанлу IV. Здесь выделено четыре группы изделий: ассирийского (5%), северосирийского (21%), иранского (2%) и местного (т.е. сделанного в Хасанлу – 72%) происхождения. Их различают стиль изображения, сюжеты, уровень мастерства. Только на местной кости имеются батальные сцены. Ассирийские костяные изделия – это царские фигуры в канонической позе, крылатые фигуры богов, сфинксы, рогатые копытные в геральдической позе у древа жизни и т.п.

О. Мускаrella неоднократно подчеркивает, что местные косторезы не копировали ассирийской кости, тогда как влияние северосирийской школы очевидно в изделиях местных резчиков (Muscarella O.W., 1980, p.167,168,222). Это влияние обнаруживается в изображениях коней в статичной позе – все ноги на земле, в отличие от ассирийской экспрессивной манеры изображения коней с поднятыми передними ногами (Muscarella O.W., 1980, p.162,168); обнаженного врага под копытами коней (Muscarella O.W., 1980, p.168) – в IX в. до н.э. ассирийцы изображали поверженного врага одетым⁴; в орнаменте гильош (плетенка) с центральными углублениями (Muscarella O.W., 1980, p.168), особого типа льва и прочее (Muscarella O.W., 1980, p.211).

⁴ В VIII в. до н.э. известны единичные изображения обнаженного врага под копытами коней на рельефах Тиглатпаласара III и Саргона II (Winter I.S., 1983, p.25, fig.14a; Barnett R.D., Falkner M., 1962, pl.XLIII). Сказалось ли в этом широкое влияние северосирийского искусства или это стало общей чертой древневосточного искусства в VIII в. до н.э., в данном случае неважно. Важно, что обнаженная фигура поверженного врага – признак VIII в. до н.э.

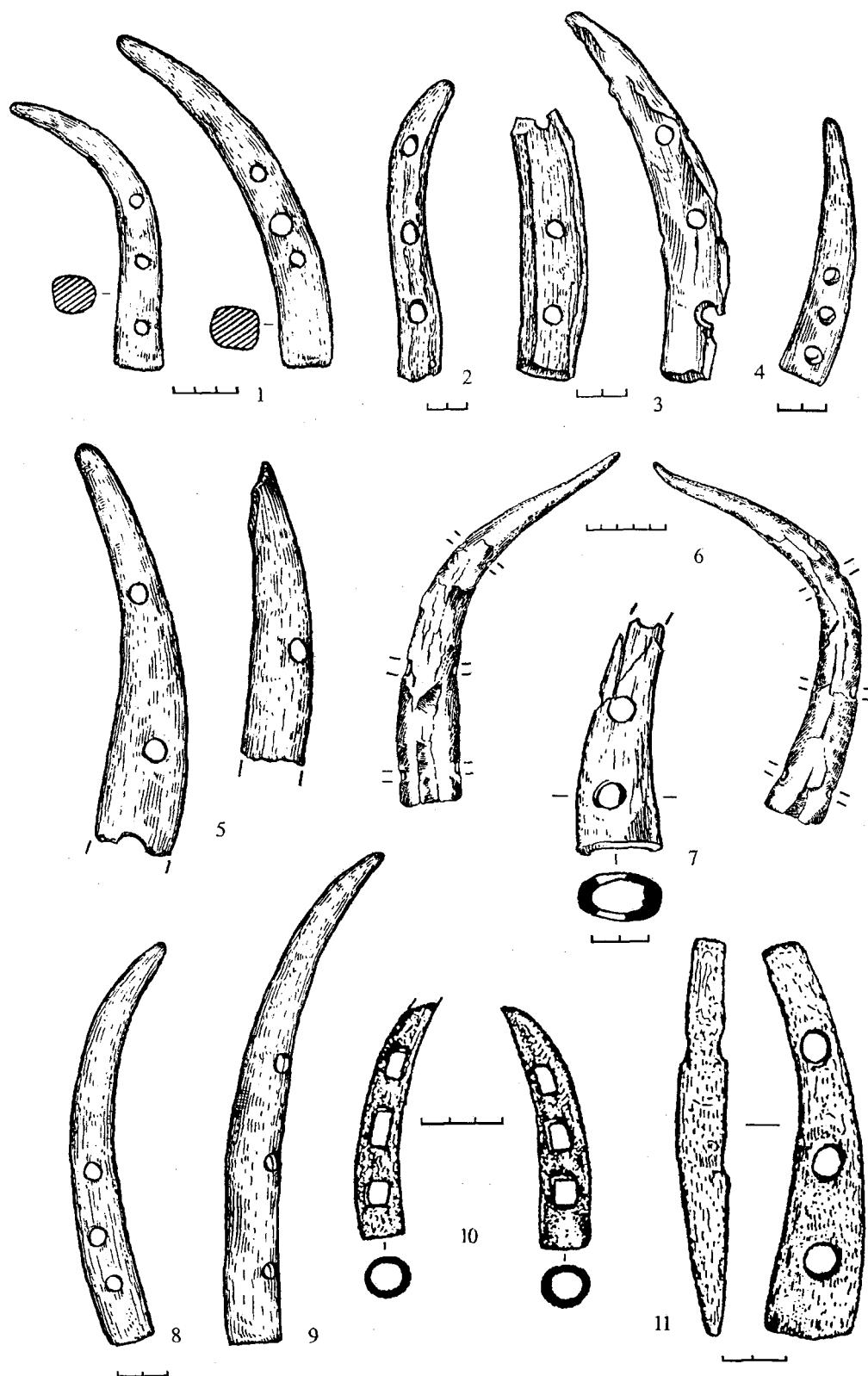

Рис. 2. Роговые и костяные псалии VIII–VII вв. до н.э. 1 – Чавуш тепе (Турция); 2 – Эрибуни; 3 – Кармир-Блур (кость ?); 4 – Ркинис-Кало (п.27) (Закавказье); 5 – Хасанлу IV В (Иран); 6 – Уйгарақ, к.47 (Приаралье); 7 – Днестровка – Лука (Поднестровье); 8 – Константиновка, к.2 (кость, Запорожье); 9 – Тасмола V, к.2 (Казахстан); 10,11 – Фарс/Клады, погребения 31 и 9 (Северный Кавказ)

Добавлю такую важную деталь, отмеченную, но не прокомментированную О.Мускареллой, как колесницы с колесной осью под центром кузова. Это так называемый хеттский тип, тогда как в Ассирии и Урарту использовался египетский тип колесницы с осью колеса, смещённой к задку кузова. Кузов колесниц изображенных на местной кости, не прямоугольный, как у ассирийской колесницы, а расширяющийся кверху. М.Мэллован считал этот признак характерным как раз для сирийской колесницы (Mallowan M.E.L., 1966, p.538). Неизвестна в ассирийской и урартской изобразительности и обувь с загнутым носком, имеющаяся на местной кости.

О.Мускарелла отмечает отсутствие на местной кости некоторых признаков, характерных для ассирийских рельефов IX в. до н.э. Это блинкеры и эллиптические щиты, соединяющие кузов с концом дышла, отсутствие копья у задней стенки кузова, нет перекрещенных колчанов на боковой стенке (Muscarella O.W., 1980, p.162). Сходство с рельефами IX в., помимо общей схемы (т.е. самих батальных сцен), наблюдается только в изображении колеса с шестью спицами и двух коней. Обнаженного врага на рельефах нет, за исключением изображения на бронзовых Балаватских воротах. На местной кости изображены колокольчики – деталь, которая не известна на рельефах IX в. до н.э. и появляется только на рельефах Ашшурбанапала (VII в.) (Muscarella O.W., 1980, p.167). В Хасанлу найдены и сами колокольчики (см. прим. 6).

В результате своих наблюдений О.Мускарелла делает вывод, что «огромные нетранспортабельные каменные рельефы в Ассирии скорее, чем малое искусство ассирийской кости, играли решающую роль как источник для вдохновения и были приняты местными мастерами» в Хасанлу. Базируется этот вывод на том, что батальные сцены с колесницами, кавалерией, солдатами и осадой городов, созданные для прославления царей, были главной чертой именно ассирийских рельефов (Muscarella O.W., 1980, p.210). Однако в другом месте, говоря о таких сценах на местной кости, он отмечает, что они принадлежат общирному репертуару, существовавшему на Западе, в частности, в северосирийском и ассирийском искусстве (Muscarella O.W., 1980, p.166).

Эти противоречия порождены априорной датировкой гибели Хасанлу IV в конце IX в. до

н.э. Наблюдения О.Мускареллы, обнаруживающие различия в изображениях на ассирийских рельефах IX в. и на местной резной кости Хасанлу, не анализируются и зачеркиваются аксиомой, что в IX в. до н.э. культурное и политическое влияние Ассирии было столь сильным, что непосредственное влияние другой культуры исключается. На вопрос: кто мог действовать как агент перемещения северосирийских изделий и идей в Иран, ответ автора: только Ассирия могла выполнить эту роль, ибо в это время только она имела монопольное право на торговлю с Ираном (Muscarella O.W., 1980, p.213).

Предположим, что это так и оставим в стороне конкретные различия в изобразительности. Если Ассирия монополизировала торговлю, то, следовательно, ей было невыгодно, чтобы северосирийские товары вытесняли ассирийские. Но как же оценить в таком случае соотношение северосирийской и ассирийской кости в Хасанлу – 4,2 к 1 (21% и 5%)? Или аксиома неверна, или эта ситуация не IX в. до н.э. Поскольку А.И.Иванчик не искал ответа на этот вопрос, то мой ответ прежний. Такое соотношение стало возможным позднее, когда Ассирия вступила в период длительного упадка. Но следствием ее агрессии в IX в. до н.э. стала перегруппировка и консолидация оппозиционных сил. Мелкие сирийские царства образовали две коалиции – Северный и Южный союзы. Произошло сближение Урарту с позднехеттскими царствами. Урарту, по существу, встало во главе Северосирийской – Малоазийской коалиции. Доступ Ассирии к сырьевым источникам на западе был перекрыт. Урарту включилось в транзитную торговлю и стало главным формирующим фактором культурного взаимодействия со странами западной коалиции. Эта ситуация изменилась только в 743 г. до н.э. после того, как ассирийцы захватили Арпад – центр Северосирийского союза (Medvedskaya I., 1991, p.75, 76).

В результате благоприятной политико-экономической ситуации конца IX – первой половины VIII вв. до н.э. и широкого импорта северосирийских товаров именно в VIII в. начало скazyваться влияние этого искусства. Высокий уровень мастерства северосирийской школы в этих благоприятных условиях стимулировал создание местных школ косторезов в Греции, Эгейии, Фригии, Урарту. В конце IX в. до н.э. все западное и юго-западное побережье оз.Урмия в Иране

вошло в состав Урарту. Таким образом, местный косторезный центр в Хасанлу IV мог возникнуть в условиях урартского политического господства и широкого распространения культуры сирийско-малоазийских царств только в первой половине VIII в. до н.э.⁵

Влияние северосирийского искусства «пеструшило» ареал урартской культуры и сказалось в Приурмийском районе, в Хасанлу, как в прямом импорте изделий из резной кости, так и в создании здесь местной школы косторезного искусства. Очевидно, что здесь работали приезжие мастера: иначе не объяснить изображение колесницы, отличной от урартской, орнамента гильош, обуви с загнутым носком, обнаженного врага. В реальности и в изобразительности VIII в. до н.э. появились детали, которые определенно отсутствовали в IX в.: это колокольчики⁶ и кисть на ошейнике коня, кисть-науз⁷, ременная тяга вместо эллиптического щита⁸, наносный ремень⁹.

⁵ После 743 г. до н.э. в искусстве Северной Сирии исчезают все оригинальные черты, заменяясь ассирийской изобразительностью (Madhloom T.A., 1970, p.26,29–32).

⁶ В Хасанлу IV найдено два бронзовых колокольчика с прямыми стенками, тремя треугольными прорезями и железным языком. Они отличаются от приводимых А.И.Иванчиком колокольчиков с надписями Менуа (810–781) и Аргишти (781–766), но вполне могли относиться к урартским изделиям VIII в. до н.э. (Иванчик А.И., 2001, с.264, рис.107; Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.72, fig.19d). На ассирийских рельефах изображения колокольчиков появляются только в VII в. до н.э.

⁷ А.И.Иванчик полагает, что кисть-науз, скорее всего, была неизвестна ассирийцам (Иванчик А.И., 2001, с.275), а у копейщика она вообще необязательна. Это неверно. На рельефах можно видеть, что и лучники, и копейщики сидят на одинаково экипированных конях, у всех одинаково затянутый науз (в этом случае – кисть на плече коня) (Barnett R.D., Falkner M., 1962, pl.83). Незатянутая кисть-науз свободно висит под подбородком коня на поводе (Ковалевская В.Б., 1977, с.91), как, очевидно, и на упомянутом фрагменте кости из Хасанлу (Medvedskaya I., 1988, fig.5,6). В любом случае, колокольчики, кисти-наузы, ошейники с одной большой кистью на шее не известны в изобразительности IX в. до н.э. Тогда кисти подвешивались на нагрудниках и висели, таким образом, значительно ниже, чем это изображено на пластинке из Хасанлу. А.И.Иванчик также не понимает, почему фигура копейщика из Хасанлу «может служить для доказательства поздней датировки Хасанлу» (Иванчик А.И., 2001,

Итак, с урартским политическим господством в приурмийском районе в VIII в. до н.э. можно связывать становление школы резьбы по кости, изобразительность которой испытала влияние северосирийских мастеров. Преобладание импорта северосирийских изделий над ассирийскими возможно было именно в первой половине VIII в., в период политического и экономического упадка Ассирии. Только в составе урартского государства в приурмийском районе в VIII в. могли оказаться (раньше, чем в Ассирии) результаты поиска оптимальных форм конского доспеха и конского снаряжения, проходившие по-видимому, в рамках военной реформы Сардури II. Конская узда из Хасанлу обнаруживает определенную близость с урартской и может свидетельствовать об определенных изменениях, произошедших на протяжении VIII в. до н.э. в экипировке урартского коня. Важное значение в этой связи имеют удила с разъемными псалиями и плетеными звеньями и роговые трехдырчатые псалии.

с.272). Она может служить для этой цели потому, что если в IX в. до н.э. всадник сидел, слегка откинувшись назад, коленями упираясь в холку коня, когда согнутые ноги образовывали острый угол, то на изображениях VIII–VII вв. до н.э. всадник сидит прямо или чуть нагнувшись вперед, ноги свободно свисают – угол между бедром и голенюю тупой.

⁸ Важно не то, что эллиптический щит еще встречается на рельефах Тиглатпаласара III – правда, форма его меняется: верхний край прямой, нижний имеет угол (Medvedskaya I., 1988, tab.1), а в том, что ременная тяга отсутствует на рельефах от Тукультиниурти I до Салманасара III. Так что и это замечание А.И.Иванчика, повторенное за мной, не имеет отношения к датировке кости. Примечательно, что А.И.Иванчик, утверждая, что «отсутствие щита» (следовательно, наличие ременной тяги) встречается на изображениях колесниц эпохи Ашшур-нацир-апала, ссылается на моих оппонентов, которые отмечают, что такой эллиптический щит отсутствует на изображениях колесниц в Северной Сирии и в Урарту (Иванчик А.И., 2001, с.266, прим.9). Что, как раз, и согласуется с моими выводами.

⁹ Ассирийские рельефы VIII–VII вв. до н.э. дают основание предполагать одновременное (а следовательно, взаимосвязанное) появление в этом регионе носовых ремней и наносников. Но раз появившись, этот ремень мог применяться и без наносников, как и кисть-науз не убиралась, если конем управлял копейщик. Я не уверена, что костяные пластины XIII–XII вв. до н.э. имеют отношение к проблеме датировки Хасанлу IV (Иванчик А.И., 2001, с.266, прим.13, рис.130).

В цитадели Хасанлу IV В найдено 42 пары однокольчатых удил, представляющих евразийскую конструкцию соединения удил и псалиев¹⁰. Из них по одним данным 24, по другим – 22 бронзовых и 18 железных удил (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68; Muscarella, 1988, p.64). Из бронзовых удил – 13 с плетеными, 2 – с витыми, 2 – с гладкими грызлами. Опубликовано также звено удил с крупным внешним кольцом и гладким стержнем (Muscarella O.W., 1988, p.64, № 93). Остальные удила не описаны. С бронзовыми удилами использовались только бронзовые псалии.

Из 18 железных удил, по крайней мере, 11 были с гладкими звенями, 2 пары с перекрученными стержнями. С железными удилами применялись все обнаруженные роговые псалии, в одном случае – бронзовые и «единично» – железные псалии.

В Хасанлу найдено всего 4 пары удил с напущенными подвижными псалиями. Судя по набору найденных *in situ* деталей, такие удила служили для запряжки колесничных коней. Среди этого набора была шарнирная пластина, о которой говорилось выше в связи с наносниками (Schauensee M. de, 1989, p.42,43, fig.9a,b;10). Кроме того, найдены уникальные удила с цельнолитыми псалиями (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.14; Иванчик А.И., 2001, рис.80,5).

Всего найдено 15 бронзовых псалиев. Наиболее типичными были псалии с уплощенной зубчатой площадкой и длинными концами, каждый из которых равен длине площадки (Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.13). Среди остальных имеются S-видные (Muscarella O.W., 1989, p.65, № 94).

Плетеные удила с кольчатыми окончаниями заслуживают особого внимания ввиду их полного отсутствия на Северном Кавказе и в евразийских степях. А.А.Иессен, рассматривая единственные найденные на Северном Кавказе плетеные удила с напущенными псалиями как

импорт с территории Древнего Востока, описал их изготовление: «удила скручены из бронзового откованного прута, первое звено сгибалось надвое, в месте сгиба оставлялась петля, а дальше стержень удил сплетался из двух прутьев, после этого на него насаживался псалий, а свободные концы закручивались в кольцо» (Иессен А.А., 1953, с.94). А.А.Иессен описал способ изготовления удил, которые были широко распространены в Италии в VIII в. до н.э. (На В3-С) и откуда этот экземпляр и попал на Северный Кавказ (рис.4,9) (Hase F.-W. von., 1969, Taf.9,87,90,94). У плетеных удил внутренние петли всегда «глухие», тогда как свободные концы могли быть закручены в многослойное кольцо или на дополнительном кольце (как на итальянских удилах), или замкнуты в петлю, а концы стержней закручены на стержне (как на удилах из Луристана и Ашшура: рис.4,1,3).

У плетеных удил с разъемными псалиями первоначально формировались внешнее и внутреннее кольца, происходило соединение обоих звеньев и свободные концы прута закручивались у основания колец (рис.3,2–13). Итальянские удила сохраняли тот же способ закрутки концов прута на внешнем дополнительном кольце (рис.3,15).

Вариантом такой строгости удил являются удила с витыми стержнями. Оба звена, отлитые в форме замкнутых овалов, затем перекручивались (рис.3,1,14,16,17). На таких удилах не видны концы закрепленных прутьев, а на внешних кольцах имеются литники. Такие удила известны в Западной Европе в период На В3-С. И хотя здесь смена одночастных удил двучастными произошла не без влияния более восточных культур, эта форма строгости удил восходит к витым одночастным удилам из Западной Европы периода На В2, восточноевропейское влияние исключается из-за отсутствия там витых удил. Восточной границей распространения таких удил, согласно С.Болквиллу, была Богемия (Balkwill C.J., 1973, p.443,444, fig.2,3).

В силу ряда причин взаимовлияние в производстве строгих удил между Европой и Италией, согласно С.Болквиллу, было минимальным. Важным моментом была разница в размерах коней двух регионов, что затрудняло импорт узды. Хронологический приоритет Западной Европы в изготовлении витых удил позволяет ему считать, что именно в районе Верхнего Рейна

¹⁰ Примечательно, что большая часть уздеек находилась в конюшнях, где она хранилась на полках или висела на крюках, или выносилась во время пожара, вспыхнувшего во время штурма. Там они и были найдены: или возле тел погибших людей, или погребенными под рухнувшими перекрытиями помещений. Хотя в цитадели найдено 9 скелетов коней, узды на них не было (Schauensee M. de, 1989, p.37 f.), что свидетельствует о внезапности штурма.

Рис. 3. Бронзовые плетеные удила. 1–3 – Хасанлу IVB (Иран); 4 – случайная находка (Северный Иран); 5 – Шамхорский могильник; 6 – Мингечаур к.П.; 7 – Калакент, п.47; 8 – Малый курган (Азербайджан); 9–12 – музейные коллекции; 13 – Норшун тепе (Турция); 14 – Кармир-Блур (Закавказье); 15 – Болонья (Италия); 16,17 – Центральная Европа

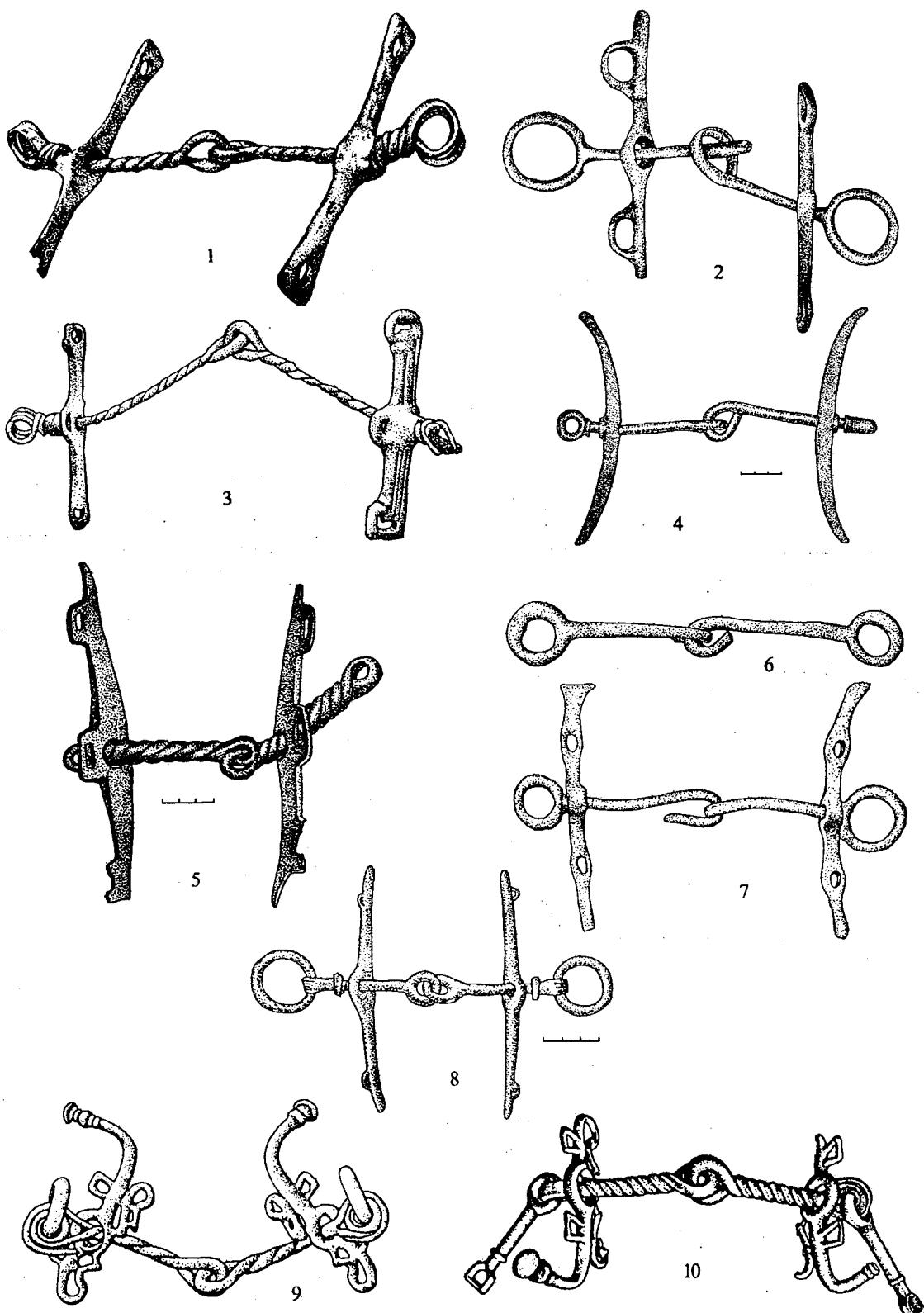

Рис. 4. Бронзовые удила с напускными псалиями. 1 – случайная находка (Луристан); 2 – Хасанлу IVA (Иран); 3 – Ашшур (Месопотамия); 4 – удила с надписью царя Менуа (Турция); 5 – Саламис (Кипр); 6,7 – Мелаани II (Закавказье); 8 – Сиалк В, п.74; 9 – В.Кобан (Закавказье); 10 – Болонья (Италия)

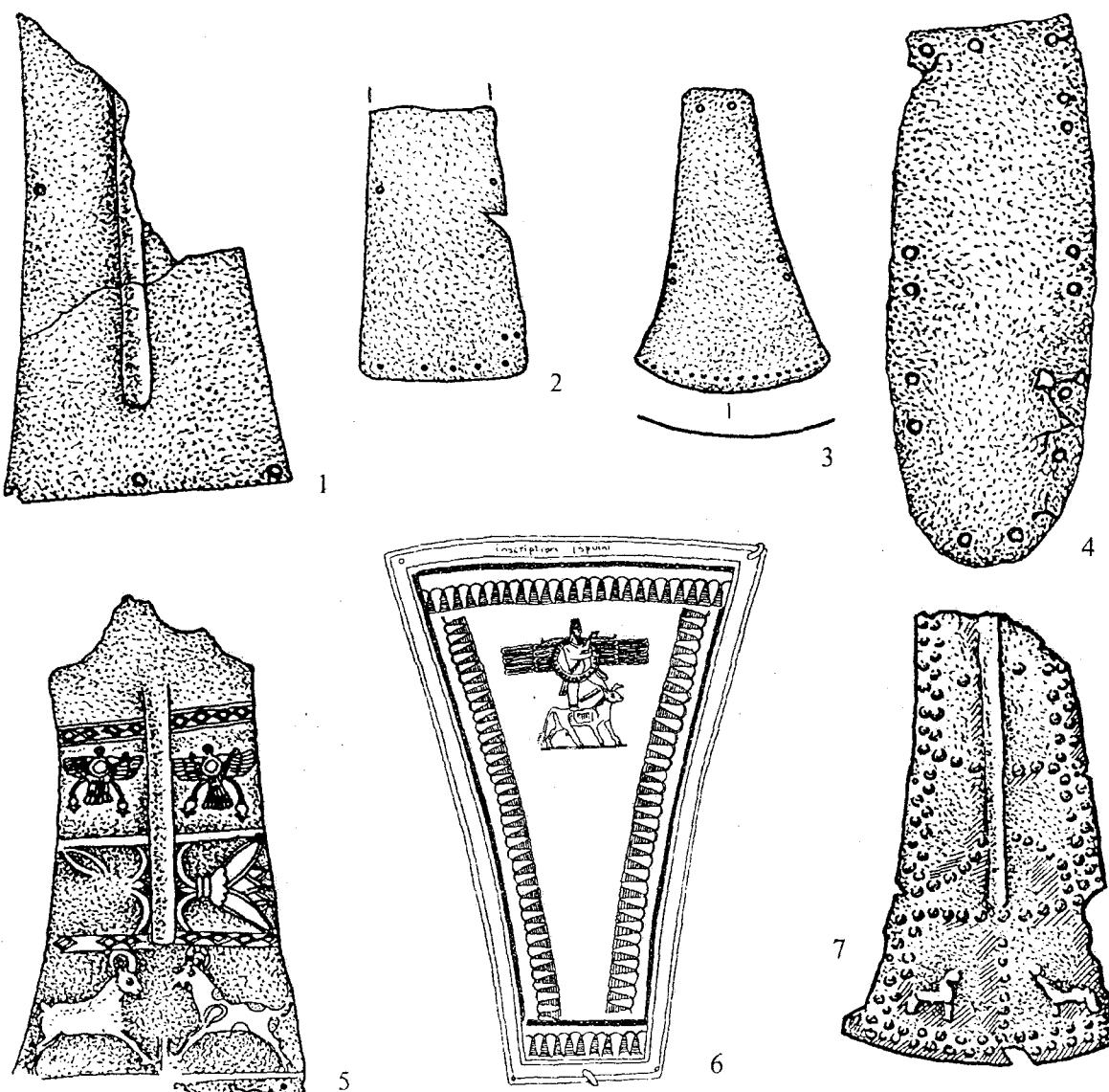

Рис. 5. Наносники VIII–VII вв. до н.э. 1 – Кармир-Блур; 2 – Хасанлу IVВ; 3 – Бабаджан тепе; 4 – Келермесс (Северный Кавказ); 5 – Зивие (Иран); 6 – налобник с надписью царя Ишпунини (IX в. до н.э.); 7 – Малый курган (Закавказье)

и Швейцарии зародилась эта форма строгих удил и отсюда активно внедрялась вместе с иными видами удил в другие культурные зоны Западной Европы (Balkwill C.J., 1973, p.439,440).

С.Болквилл очевидно не делает различия между плетеными и витыми удилами. Между тем, первые преобладали в Италии (VIII в.), и судя по некоторым другим находкам (Микены XIII в., Афины IX в., Кипр VII в. и др.), приоритет в их производстве был за Средиземноморским ареалом. Это, впрочем, лишь усиливает предположение С.Болквилла о самостоя-

тельности двух традиций изготовления строгих удил в двух регионах.

В ареале урартской культуры плетеные и витые удила использовались в VIII–VII вв. в равной мере (рис.3,9–14), что мы наблюдаем и в Хасанлу IV (рис.3,1–3). В Урарту встречаются витые удила и с жестко скрепленными паслиями: биметаллические удила с железными звеньями и надписью Сардури II и бронзовые удила (Алтынтеке, гробница 3) времени Аргишти II (714–685) (Иванчик А.И., 2001, рис.87,5;100). Достаточно близкие аналогии им имеются в Западной Европе (На В3). Здесь из-

вестны и одночастные витые удила с цельнолитыми псалиями, что не исключает их предшествование или экспериментирование (Balkwill C.J., 1973, p.431, No 24–25; Иванчик А.И., 2001, рис.93,4,5).

Итак, учитывая более раннее, чем на Древнем Востоке, появление витых и плетеных удил в Европе и Средиземноморье и их независимое региональное развитие, а также последующее бытование обеих разновидностей этих удил в ареале урартской культуры, можно предположить, что при определенных условиях обе формы проникли сюда через Малую Азию ближе к середине VIII в. до н.э. Вместе с этими удилами на восток могли проникнуть и архаические пронизы для перекрестных ремней оголовья (Hase F.-W. von., 1969, Naf.20,254a,b; Медведская И.Н., 1983, рис.3,15–24). В Хасанлу IV известна одна такая пронизь (не опубликована)¹¹.

Как уже было отмечено, в это время в результате ослабления Ассирии наступает относительная стабилизация военно-политической обстановки, укрепляются и расширяются культурные контакты. Причем, если до конца IX в. поток товаров шел только с З на В, то с этого времени начались взаимные связи (лит-ру см.: Muscarella O.W., 1978, p.61f.). Но тем не менее влияние, например, греческого геометрического стиля вазописи сказалось не только во Фригии, но и в Иране (см. выше). Об этом же свидетельствуют и рассмотренные удила.

В этих новых условиях и могла происходить предполагаемая военная реформа Сардури II. Необходимость в большей строгости удил, очевидно, была вызвана возросшей ролью конницы в ходе военной реформы. Следует отметить, что во второй половине VIII в. удила с напускными подвижными псалиями и гладкими звеньями, которые, по-видимому, использовались в основном для колесничных коней, становятся малочисленны и в VII в. выходят из употребления (Медведская И.Н., 1983, с.59–63). Не исключено, что это было обусловлено уменьшением роли колесницы в армии. В Хасанлу IV такие удила связаны только с колесничной упряжью (рис.4,2).

Упомянутые удила с гладкими стержнями заслуживают внимания и в связи с пересмотром А.И.Иванчиком общепринятого представ-

ления об изначальном различии способов соединения удил и псалиев в евразийском и древневосточно-средиземноморском регионах (см. например: Иессен А.А., 1953, с.94; Littayer M.A., 1969, p.297). Для доказательства возникновения на Древнем Востоке однокольчатых удил с разъемными псалиями уже в конце II тыс. и последующего независимого их существования А.И.Иванчик привлекает новые, с его точки зрения, материалы Закавказья, которые по незнанию специалисты до сих пор не учитывали (Иванчик А.И., 2001, с.137,158 сл.). Однако поспешность в подобных выводах не совсем уместна. Рассмотрим приведенные им удила.

В Бешташени 13 две пары однотипных удил с замкнутыми внутренними кольцами имели в комплекте 4 крюка и пару роговых псалиев. А.И.Иванчик ссылается только на табл.XLVI в публикации Б.А.Куфтина, на которой представлено фото отдельных элементов узды из этого погребения (Иванчик А.И., 2001, с.160, рис.78,15–19). Однако на фотографии погребения видно, что *in situ* роговые псалии находились на стержнях удил (Куфтин Б.А., 1941, табл.XLIII). Способ крепления псалиев на стержнях неясен, отверстия на них на фото не видны. Как будто бы имеются подпрямоугольные вырезы в центре псалия, что может говорить о том, что псалий накладывался на стержень удил и каким-то образом закреплялся. Но псалии не могли быть напущены на стержни удил, как например, на таккилисийских удилах. Аналогичные удила с такими же крюками, но без псалиев, найдены в могильнике Трели (Тбилиси). Не исключено, что это были в определенном смысле экспериментальные образцы использования органических псалиев, закрепленных на стержнях удил, но замкнутые внутренние петли и отсутствие дополнительных отверстий сделали их неудобными в использовании. Кроме того, А.И.Иванчик не привел убедительного опровержения более поздней даты для этих комплексов, предложенной Ю.Н.Вороновым и Л.Н.Панцхавой. Корректировка дат проводилась в результате пересмотра хронологии материалов колхида-кобанской группы (Панцхава Л.Н., 1975, с.23–30; Воронов Ю.Н., 1980, с.203 сл.).

Удила из Артика 433 имеют D-образные окончания и круглые шайбы на стержнях (Иванчик А.И., 2001, с.160, рис.75,4,5). Такие шайбы для упора напущенных псалиев извест-

¹¹ Она найдена вне связи с уздечкой (письмо М.Шаунзи от 10 июня 2002 г.).

ны на удилах из Приаралья, что отмечено автором, и его описание удил из Артика 433 соответствует описанию удил именно с напускными псалиями. В этом случае псалий очевидно из органического материала – находился между внешним окончанием и шайбой. Вариантам таких круглых упоров/шайб для напускных псалиев могут служить урартские удила, но у них шайба соединена с внешним кольцом (Иванчик А.И., 2001, рис.87,1,3,4).

Если рассмотренные удила бесспорно относятся к древневосточной традиции соединения удил с псалиями, то для доказательства того, что и другие однокольчатые удила, перечисленные А.И.Иванчиком, первоначально имели напускные псалии, нужны дополнительные критерии. Ими могут стать способ соединения стержней удил и размеры ротовой (рабочей) части удил.

Расчеты средней длины рабочей части удил, проведенные С.Б.Вальчаком, показали, что удила черногоровского времени имели длину 10,4 см, а новочеркасские – 11,6 см. Причем, разница в 1,2 см используется как одно из возможных доказательств изменения породы лошади на новочеркасском этапе (Вальчак С.Б., 1995, с.44–47). В аржанском комплексе рабочая часть 45 бронзовых удил колебалась от 11,8 до примерно 13 см¹². В Швейцарии и Германии в это время эта длина составляла в среднем 9,5–10 см, а в Италии 12 см, исключения здесь единичны (Balkwill C.J., 1973, p.439,440). Максимальные размеры ротовой части современных удил достигают 15,24 см (Littayer M.A., 1969, р.295).

Все древневосточные удила с гладкими стержнями и напускными подвижными псалиями имели незамкнутые внутренние петли. Это обусловлено тем, что соединение звеньев происходило вручную путем ковки, после того как псалии были надеты на стержни (Иванчик А.И., 2001, рис.73,7–10;74,1,2,5;87,1–3;88,12,14

¹² Рабочая длина удил: 11,8–11,9 см – 2 экз., 12–12,9 см – 16 экз., 13–13,7 – 16 экз., 14–14,6 см – 9 экз., 15–15,3 см – 2 экз. Однако удила длиной от 13 до 15,3 см коррелировались с деревянными псалиями, обернутыми кожей, специальное крепление которых занимало часть стержней. Это уменьшало их рабочую часть до 2 см. Благодарю Н.А.Боковенко, ознакомившего меня с материалами своей диссертации «Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения)». Л., 1986, с.118 и приложение.

и т.д.). Исключение составляет один тип «луристанских» удил с «рукой», держащей внешнее кольцо (рис.4,8), но и этот тип иногда имеет незамкнутые петли (Иванчик А.И., 2001, рис.74,3,4). Все бронзовые удила с разъемными псалиями имеют внутреннее «глухое» соединение, редкое исключение – бешташенские удила.

Учитывая способ соединения звеньев и размеры ротовой части удил, рассмотрим остальные однокольчатые удила, предложенные А.И.Иванчиком для доказательства своей гипотезы.

В могильнике Калакент найдены удила представляющие обе традиции соединения удил и псалиев. Удила с напускными псалиями имеют длину ротовой части 9,5 см (п.49) и 10,5 см (п.9) (Nagel W., Strommenger E., 1985, Taf.13,23). Удила из п.112, которые А.И.Иванчик относит к евразийской традиции, имеют длину ротовой части 15,2 и 15,5 см (Idem, Taf.46,1,2; Иванчик А.И., 2001, рис.71,1,2). Уже эта разница в размерах ставит под сомнение существование в одно время и в одном месте коней столь разной величины, превышавшей средние габариты коней той эпохи. Это позволяет предполагать наличие напускных псалиев из органических материалов или утраченных бронзовых (из-за плохо загнутых стержней). В таком случае размер рабочей части удил приблизился бы к 10–11 см. Вероятность этого подтверждается, во-первых, наличием незамкнутых внутренних петель, и, во-вторых, наличием в этом могильнике плетенных удил с разъемными псалиями (п.47). Размер их ротовой части около 12 см. Это также делает маловероятным большие размеры удил из п.112.

Незамкнутые внутренние петли удил из святилища Мелаани II, большие размеры их рабочей части – от 13 до 15,9 см – и совпадение общих размеров с удилами, у которых сохранились напускные псалии (рис.4,6,7), предполагает, что все они первоначально также имели напущенные псалии. Кстати, в святилище найдены отдельные псалии, аналогичные напущенным (Иванчик А.И., 2001, рис.89,10,11). Тоже самое относится к однокольчатым удилам с незамкнутыми петлями из Садахло, размер рабочей части которых 17 см. Из двух однотипных удил из могильника Так-Килиси лишь на одних сохранились обломки напускных роговых псалиев (п.67, размеры неизвестны), длина других (п.10) более 13 см, что предполагает

утраченные напускные роговые псалии (Куфтин Б.А., 1941, с.223, табл.XXXI,2;XXXIV,2). Относительно удил из Артика 79 сказать что-либо трудно: размеры неизвестны, оба звена, судя по рисунку, не соединены между собой, так как обе петли плотно замкнуты на стержнях (Иванчик А.И., 2001, рис.65,5).

Однокольчатые удила с плетеными и витыми грызлами из Хасанлу IV имеют длину рабочей части около 10,5 (рис.3,1,3) и 12 см (рис.3,2), цельнолитые удила – около 11 см (Иванчик А.И., 2001, рис.80,5).

Конечно, необходимы уточненные размеры таких удил. Во всяком случае, пока можно отметить, что доводы А.И.Иванчика в пользу раннего и независимого появления в Закавказье способа разъемного соединения удил и псалиев недостаточны. Выборочные примеры скорее говорят в пользу того, что эти однокольчатые удила имели напускные псалии из органических материалов, а в некоторых случаях бронзовые псалии были утрачены из-за плохого сцепления внутренних петель. Кроме того, необходимы дополнительные исследования в связи с вероятностью одновременного использования разных пород коней, пони и т.п. для колесниц и всадников (Littauer M.A., 1971, p.24 ff.), и, следовательно, возможное колебание размеров узды. Было ли связано в действительности широкое появление на Древнем Востоке евразийской конструкции узды с активным внедрением конницы и существовала ли жесткая взаимосвязь между колесничными конями и удилами с напускными псалиями?

Роговые псалии имеют три круглых раздвинутых отверстия в одной плоскости. Они дают дополнительное основание датировать VIII в. до н.э. конскую узду из Хасанлу IV (рис.2,5). Дело в том, что изменение расположения отверстий на костяных и роговых псалиях произошло в IX в. до н.э., когда отверстия стали располагать в одной плоскости псалия; в предшествующее время крайние отверстия располагались перпендикулярно по отношению к центральному отверстию. Однако в IX в. форма отверстий была овальной, восьмерковидной и подпрямоугольной (литературу см.: Кашуба М.Т., 2000, с.325). В первой половине VIII в., после рубежа IX–VIII вв. появляются псалии с круглыми отверстиями, но они еще сосуществуют с прежними видами отверстий на псалиях. Так, в могильнике Фарс/Клады, в погребениях 9 и 11, которые относятся к ранней хронологиче-

ской группе (первая половина – 3-я четверть VIII в. до н.э.), найдены роговые псалии соответственно с круглыми и прямоугольно-квадратными отверстиями (Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999, с.68,71, рис.11,5;26,12) (рис.2,10,11). В Поднестровье еще в начале VIII в. существуют псалии с некруглыми отверстиями (Кашуба М.Т., 2000, с.344–346, рис.XXXIX). Самым ранним здесь считается роговой псалий с круглыми отверстиями из Днестровки-Лука (Смирнова Г.И., 1982, с.44–49, рис.12,14). В настоящее время Г.И.Смирнова относит инвентарь жилища, в котором был найден псалий, ко времени предшествующему финальному этапу позднего чернолесья (совпадающего по времени с РСК 1)¹³. Следовательно, этот псалий может датироваться первой половиной – серединой VIII в. до н.э. (рис.2,7). Такие псалии известны здесь и позднее (Крушельницкая Л.И., 1971, с.125, рис.4,13). На Чустском поселении в Фергане найдены обломки костяных псалиев с круглыми и овальными отверстиями. Последняя предложенная датировка поселения – конец IX/первая половина VIII в. – VII в. до н.э. включительно (Рузанов В.Д., 1999, с.48).

Роговые псалии из Хасанлу наиболее близки урартским и закавказским экземплярам с круглыми отверстиями: из Эребуни (VIII в.), Кармир-Блура и Чавуш-тепе (VII в.) (Есаян, С.А., Погребова М.Н., 1985, рис.XVI,XVII, XVIII), из Ркинис-Кало (VIII–VII в.) (Кобайдзе Л.Н., 1978, с.78, табл.XLVI,432) (рис.2,1–4). Повидимому, особенностью псалиев VIII в. является расположение отверстий практически по всей длине рога, тогда как в VII в., как правило, отверстия сближаются между собой.

Отмечая преобладание в Хасанлу IV евразийского типа конструкции узды, не приходится говорить о том, что она была принесена сюда непосредственно кочевниками. Наметившаяся за последние 10 лет тенденция выделения псалиев «сиалковского» типа служит разным целям. М.Н.Погребова, например, полагает, что бронзовые псалии из Сиалка В и Хасанлу IV, которые она тоже называет «сиалковсим» типом и которые устойчиво сочетаются с витыми (т.е. плетеными – И.М.) удилами, маркируют первое появление киммерийских отрядов в Восточном Закавказье и Иране (Погребова М.Н., 2001, с.328,329). В подтверждение этой гипотезы автор ссылается на мою работу 1983 г.

¹³ Устное сообщение Г.И.Смирновой.

Но, во-первых, я предполагала пути проникновения только для однокольчатых удил с гладкими стержнями и архаических пронизей для перекрестных ремней оголовья. Вопрос происхождения и путей проникновения трехдырчатых псалиев оставался, да и остается, открытым (Медведская И.Н., 1983, с.68). Во-вторых, мое предположение о характере проникновения этих предметов в Иран через Северный Кавказ было, по-видимому, нечетко сформулировано и поэтому неверно истолковано. Я отмечала, что конская узда, которую исследователи тогда связывали с киммерийцами и скифами (т.е. стремечковидные и двукольчатые удила) неизвестны в Иране (Медведская И.Н., 1983, с.73). Я предполагала тогда южноевропейское происхождение однокольчатых бронзовых и железных удил в культурах фракийского гальштата и сопредельных территорий и исключала их северокавказское происхождение. Северный Кавказ рассматривался как промежуточная территория продвижения этих удил из Европы в Иран. Существенным доводом в пользу этого может служить отсутствие на Северном Кавказе в VIII в. до н.э. железных удил и архаических пронизей для перекрестных ремней оголовья. Но продвижение этих элементов узды на юг в Иран я не связывала с киммерийцами ни тогда, ни теперь. Хотя, очевидно, неудачным было обозначение перемещения этих предметов в составе фракийских отрядов. Движение этих элементов узды в первой половине VIII в. не совпадало ни по времени, ни по направлению, ни по сути с движением культуры nomadov в последней четверти VIII в. до н.э. через Северный Кавказ на юг. Первое, по характеристике В.И.Козенковой, было «культурным обменом», второе – движением боевых отрядов всадников. Однако путь через Кавказ не был единственным. Через Малую Азию в VIII в. осуществлялись активные контакты Урарту и соседних стран с Европой и Средиземноморьем, результаты которых были рассмотрены выше. Возможно путь через Кавказ активизируется чуть позднее.

Но в Иране нет вещей маркирующих первое появление здесь киммерийских отрядов в VIII в. до н.э.; нет признаков культуры новочеркасского этапа, которая теперь часто называется киммерийской, нет и признаков РСК 1, которая, по сути, была киммерийско-скифской культурой.

Нет никаких оснований предполагать, что в VIII в. киммерийцы могли проникнуть вглубь

Ирана, в Кашан, где находится могильник Сиалк В. Не могли быть киммерийцы и среди осажденных в 714 г. защитников Хасанлу, урартского тогда еще владения (узда, найденная в конюшнях, принадлежала защитникам города). В это время киммерийцы еще не стали союзниками урартов, это случилось позднее. В 714 г. Саргон прошел значительную часть территории Северо-Западного Ирана. Он был в Манне, где повлиял на ее внутриполитические дела, он разгромил урартский плацдарм в приурмийской зоне, который был создан урартами для завоевания Манны, Мидии и других стран региона. Но Саргон ни разу не упомянул киммерийцев. Он знал об их действиях на северных границах Урарту, где урартский царь потерпел поражение (и Саргон неслучайно поэтому предпринял поход именно в это время). Поскольку его разведчики доносили ему о взаимодействии урартов и киммерийцев, следовательно, последние его интересовали. И он не мог не упомянуть киммерийцев, если бы они находились на тех территориях, где проходили его войска. Киммерийцы и скифы проникли на приурмийские и более южные территории не ранее VII в. до н.э.

Однако, определяя VIII в. как время существования Хасанлу IV в составе Урарту, я не только не исключала IX в. из его датировки, но и подчеркивала, что все главные здания города были построены именно в IX в. до н.э. Они не были разрушены: фиксируются лишь ремонты и незначительные перестройки после пожаров, связанных с захватом города урартами. Этот период обозначается как IVC. Город быстро восстановился и многие ценные и священные предметы продолжали храниться в храмах и сокровищницах Хасанлу IVB. Именно они датируются IX в. и значительно более ранним временем, и именно их выносили оборонявшие город люди во время штурма 714 г. до н.э. (ср.: Погребова М.Н., 2001, с.326, прим.5).

Что касается отмечаемого М.Н.Погребовой «отсутствия» в Хасанлу IVB урартского культурного влияния, которое, по мнению некоторых исследователей, должно было бы быть в условиях урартского господства в VIII в., то следует подчеркнуть следующее. Обилие признаков влияния урартской культуры не является необходимым условием для доказательства жизни города в VIII в. Урарты строили многочисленные крепости на вновь завоеванных землях, где и сосредотачивалась, напри-

мер, диагностическая урартская керамика. Можно говорить о постепенном нарастании урартских признаков в керамике VIII в., о распространении моды, исходившей от «господ», живших в этих крепостях (Kroll S., 1976, S.172,174). Но необязательно искать эту керамику у местного населения вскоре после прихода сюда урартов. Качественные изменения могли оказаться и оказались позднее, уже после изгнания отсюда урартов (Medvedskaya I., 1989, p.439–446).

Вместе с тем рассмотренная узда из Хасанлу IV В позволяет говорить о ее урартском

происхождении. В рамках военной реформы Сардури II новые типы узды могли достаточно быстро распространиться на территории царства. Это как будто и наблюдается в Хасанлу IV В. Отсутствие здесь характерных признаков урартской узды конца IX в. – первой половины VIII в. (налобники, блинкеры, преобладание удил с напускными псалиями) подтверждает время предполагаемой военной реформы – не ранее середины VIII в. до н.э. А все рассмотренные выше факты позволяют настаивать на датировке Хасанлу IV в пределах IX–VIII вв. и его гибели в 714 г. до н.э.

Литература

- Вальчак С.Б., 1995. Удила предскифского периода и киммерийские лошади Восточной Европы // Древности. Харьков.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А., 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып.2. Армавир–Москва.
- Воронов Ю.Н., 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев.
- Дубовская О.Р., Подобед В.А., 1996. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энолит-бронзовый век). Материалы конференции. Ч.II. Донецк.
- Дьяконов И.М., Медведская И.Н., 1987. Урартское государство в новом освещении // ВДИ. № 3.
- Есяян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы // Степные народы Евразии. Т.II. М.
- Иессен А.А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. Вып.XVIII.
- Кашуба М.Т., 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом // Stratum plus. № 3. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест.
- Кобайдзе Л.Н., 1978. Археологические памятники Иорского ущелья II. Могильник Ркинис-Кало. Тбилиси.
- Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.
- Ковалевская В.Б., 1977. Конь и всадник. М.
- Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.
- Круশельницкая Л.И.. 1971. Памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье // Проблемы скифской археологии. Москва.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.
- Медведская И.Н., 1983. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. Vol. XVIII.
- Медведская И.Н., 1989. К уточнению маршрута Саргона в 714 г. до н.э. // ВДИ. № 2.
- Медведская И.Н., 2001. Некоторые итоги археологического изучения Днестро-Сиретского междуречья // Stratum plus. № 3. СПб.–Кишинев–Одесса–Бухарест (в печати).
- Панцхава Л.Н., 1975. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Погребова М.Н., 2001. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Рузанов В.Д., 1999. Новые данные о датировке Дальтверзина и Чуста // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып.2. Бишкек.
- Смирнова Г.И., 1982. Закрытые предскифские комплексы у с.Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и

- раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Яблонский Л.Т., 1991. Проблема формирования культуры саков южного Приаралья // СА. № 1.
- Balkwill E.J., 1973. The Earliest Horse-bits of Western Europe // PPS. Vol.39.
- Barnett R.D., Falkner M., 1962. The Sculptures of Aššur-nasir-apli II, Tiglath-pileser III, Esarhaddon from the Central and the South-West Palaces at Nimrud. London.
- Hase F.-W. von, 1969. Die Trensen der Früheisenzeit in Italien // Prähistorische Bronzenfunde XVI. Bd.1. München.
- Karageorghis V., 1967. Excavations in the Necropolis of Salamis // Salamis. Vol.3. Nicosia.
- Kroll S., 1976. Keramik Urartäischer Festungen in Iran // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Ergänzungsband 2. Berlin.
- Littayer M.A., 1969. Bits and Pieces // Antiquity. Vol.43, N 172.
- Littayer M.A., 1971. The Figured Evidence for a Small Pony in the Ancient Near East // Iraq. Vol.33, pt.1.
- Madhloom T.A., 1970. The Chronology of Neo-Assyrian Art. London.
- Mallowan M.E.L., 1966. Numrud and its Remains. Vols. I,II. London.
- Medvedskaya I.N., 1986. A Study on the Chronological Parallels between the Greek Geometric Style and Sialk B Painted Pottery // Iranica Antiqua. Vol.XXI.
- Medvedskaya I., 1988. Who Destroyed Hasanlu? // Iran. Vol.XXVI.
- Medvedskaya I., 1989. The End of Urartian Presence in the Region of Lake Urmia // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in Honorem L. Vanden Berghe. Vol.I. Gent.
- Medvedskaya I.N., 1991. Once More on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // Iranica Antiqua. Vol.XXVI.
- Medvedskaya I., 1997. The Localization of Hubuška // S.Parpoba and R.M.Whithing (eds.), Assyria 1995. Helsinki.
- Medvedskaya I., 2000. Zamua, Inner Zamua and Mazamua // Variatio Delectat. Iran und der Westen. Gedenkschrift für Peter Calmeyer (AOAT Bd. 272). Münster.
- Muscarella O.W., 1978. Urartian Bells and Samos // JANES. Vol.10.
- Muscarella O.W., 1980. The Catalogue of Ivories from Hasanlu, Iran // University Museum Monograph 40. Hasanlu Special Studies. Vol.II. The University Museum, University of Pennsylvania. Philadelphia.
- Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art. New York.
- Nagel W., Strommenger E., 1985. Kalakent Früheisenzeitliche Grabfunde aus dem transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol // Berliner Beiträge zur Vor-und Frühgeschichte N. F. 4. Berlin.
- Reade S.F., 1975. Aššurnasirpal I and the White Obelisk // Iraq 37, 2. 129–150.
- Schauensee M. de, Dyson R., 1983. Hasanlu Horse Trappings and Assyrian Reliefs // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C.K.Wilkinson. New York.
- Schauensee M. de, 1989. Horse Gear from Hasanlu // Expedition. Vol.31, № 2–3.
- Seidl U., 1991. Horse Trappings // Urartu. A Metalworking Center in the First Millennium B.C.E. Catalog of Exhibition. Jerusalem.
- Seidl U., 1991a. Arm Guards (?) // Ibid.
- Winter J.S., 1983. The Program of the Throneroom of Assurnasirpal II // Essays on Near Eastern Art and Archaeology in Honor of C.K.Wilkinson. New York.

Источники иллюстраций

Рис. 1.

- 1 – Muscarella O.W., 1988, p.65, № 94;
- 2 – Schauensee M.de, Dyson R., 1983, fig.13;
- 3 – Ghirshman R., 1939. Fouilles de Sialk près de Kashan, pl.LVI;
- 4 – Yıldırım R., 1987. Urartäische Trensen // Türk Tarih Kurumu. Bell.200, рис.21;
- 5 – Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125, с.27, рис.10;

- 6 – Асланов Г.М. и др., 1959. Древний Мингечаур. Баку, табл.XXXIX,1,3;
- 7 – Асланов Г.М., 1989. Шамхорский могильник // ПМКА, рис.14;
- 8 – Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып.B4–9, табл.XV,40;
- 9 – Галанина Л.К., 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. № 3, с.160, рис.4,4,5;

- 10 – Эрлих В.Р., 1991, рис.6;
11 – Эрлих В.Р., 1994, табл.32,3;
12 – Анфимов Н.В., 1971. Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., с.175, рис.4,3;
13 – Яблонский Л.Т., 1991, с.81, рис.11,1,2.

Рис. 2.

- 1 – Erzen A., 1978. Çavuştepe I, p.56, fig.42;
2,3 – Есян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья, с.96,97, табл.XVI,7;XVII,5,6;
4 – Кобайдзе Л.Н., 1978, с.78, табл.XLVI, 432;
5 – Schauensee M. de, 1989. p.40, фото 6;
6 – Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т.VIII, табл.XV, 7,8;
7 – Смирнова Г.И., 1972, рис.12,14;
8 – Либеров П.Д., 1951. Курганы у села Константиновки // КСИИМК. Вып.XXXVII, с.142, рис.45b;
9 – Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тас-молинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, с.326, рис.19,3;
10,11 – Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. с.68,71, рис.11,5;26,12.

Рис. 3.

- 1,3 – Schauensee M. de, Dyson R., 1983, p.68, fig.11,12 (12 – полевой рисунок О.Мускареллы);
2 – Muscarella O.W., 1988, p.65, № 92;

- 4 – Waele É. de., 1982. Bronzes de Luristan et d’Amlash. Ancienne Coll. Godard. Louvain – La-Neuve, p.68, fig.50, № 73;
5 – Асланов Г.М., 1989. Шамхорский могильник // ПМКА, рис.14;
6 – Асланов Г.М. и др., 1959. Древний Мингечаур. Баку, табл.XXXIX,2;
7 – Nagel W., Strommenger E., 1985, Taf.19;
8 – Иессен А.А., 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // МИА. № 125, с.27, рис.10;
9–12 – Yıldırım R., 1987. Urartäische Trensen // Türk Tarih Kurumu. Bell.200, рис.42–44;
13 – Hauptmann H., 1983. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens. Festschrift Kurt Bittel. Bd.I. Mainz. Abb.4,6;
14 – Medvedskaya I., 1988, fig.4,2;
15 – Hase F.-W. von, 1969. Taf.20,225.

Рис. 4.

- 1 – Waele É. de., 1982. Bronzes de Luristan et d’Amlash. Ancienne Coll. Godard. Louvain – La-Neuve, p.68, fig.50, № 74;
2 – Иванчик А.И., 2001, рис.74,2;
3 – Littauer M.A., Crouwel J.H., 1979. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden – Köln, fig.66;
4 – Иванчик А.И., 2001, рис.87,4;
5 – Иванчик А.И., 2001, рис.67,1;
6,7 – Иванчик А.И., 2001, рис.89,17,19;
8 – Иванчик А.И., 2001, рис.74,3;
9,10 – Hase F.-W. von, 1969. Taf.9,87,90.

Рис. 5.

- 1–5,7 – Medvedskaya I., 1988, fig.4,1–6;
6 – Иванчик А.И., 2001, рис.129.